

18+

ПАВЕЛ БЫЧЕНКОВ

**О ВАЖНОСТИ ЗЛА
И ПОЛЬЗЕ БЕЗУМИЯ**

Павел Быченков

О важности зла и пользе безумия

«Издательские решения»

Быченков П.

О важности зла и пользе безумия / П. Быченков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-622851-1

Настоящее издание знакомит читателя с несколькими произведениями Павла Быченкова, писателя из города Мурманска. В книге представлены семь эссе на различные темы.

ISBN 978-5-00-622851-1

© Быченков П.
© Издательские решения

Содержание

Формирование мужчины в отсутствие отца	6
О важности зла	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

О важности зла и пользе безумия

Павел Быченков

© Павел Быченков, 2024

ISBN 978-5-0062-2851-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Формирование мужчины в отсутствие отца

Я бы очень хотел, чтобы кто-нибудь рассказал мне об этом. Но ничего конкретного я на такую тему не нашёл, поэтому пишу сам, втайне рассчитывая, что кто-нибудь будет настолько не согласен с моими доводами, что не устоит перед желанием оспорить их, представив собственное видение проблемы, благодаря чему я смогу поучиться у него. В любом случае я не жду стройной критики, ведь моё эссе – это не настоящий труд по психотерапии, уже хотя бы потому, что в нём не будет примеров из снов и мифов, чем всегда пестрит подобная литература.

Хотя, казалось бы, спорить тут можно много о чём. Лично мне не нравится даже название моего эссе, а именно наличие в нём слова «мужчина». Это вообще кто? Едва ли не любой может перечислить атрибуты, какими должен или не должен обладать мужчина. Но определение чего-либо, то есть его суть, не есть его атрибуты или их совокупность. Например, молотку или гаечному ключу можно привести множество атрибутов: крепкий, удобный, увесистый, при этом не произнося слова «инструмент». Но инструменты бывают разные, поэтому мы уточняем: молоток – инструмент для забивания гвоздей, гаечный ключ – крутить гайки. Это функциональные определения, и мне они нравятся, хотя бы потому, что их нет необходимости объяснять. Так же и со словом «мужчина». Впрочем, не совсем так.

Мне бы хотелось дать этому слову функциональное определение, однако необходимость мужчины, предназначение и место его в современном мире – вопрос крайне проблемный, и в этом эссе я не берусь его решать. Я просто оставлю мужчине те функции, которые у него не отобрать. Иными словами: зарабатывание денег, защита жилища и тому подобное – со всем этим в условиях современной цивилизации женщины могут справиться даже лучше мужчин. Удовлетворять женские сексуальные потребности? Но в сексе давно уже нет норм, всё «на любителя». В итоге для моего эссе я выберу только одну «мужскую» функцию как самую базовую, с которой точно никто не поспорит, по крайней мере сегодня, – это производство семени человека. Без мужчины пока что это сделать не удаётся.

В этот момент всё моё эссе терпит крах, поскольку получается, что все особи мужского пола старше скольких-то лет – мужчины. Ведь производству семени их учить не надо, это даётся природой, и если мальчик уж появился на свет, то фигура отца ему не нужна, чтобы просто иметь возможность производить семя.

Однако на самом деле всё немного сложнее. Производство семени человека уже давно перестало быть сугубо биологическим феноменом. Этот процесс подвергся сильному и глубокому культурному влиянию. С одной стороны, в банк спермы примут семя далеко не каждого человека мужского пола – важен рост, вес, результаты анализов. При этом женщина, придя в это место, попросит значительный перечень сведений о доноре вплоть до его музыкальных способностей. С другой стороны, существует официальный запрет на евгенику – селекцию людей, который, судя по слухам, где-то да нарушается, что делает этот вопрос ещё интереснее.

Я только хочу сказать, что производство семени нельзя вынести за скобки, эта функция обросла массивным контекстом благодаря нашей культуре, значение которого ничуть не меньше, чем чисто эволюционный биологический смысл. В конце концов, производство семени для применения по назначению может повлечь долгосрочные последствия в виде алиментов или пожизненной родительской ответственности. В итоге это дело явно серьёзнее, чем другие биологические функции, связанные с естественными отправлениями организма.

Вероятно, человеку мужского пола, если он собрался производить семя, чтобы это «во что-то вылилось», будучи вовлечённым в ту или иную культуру, неплохо было бы иметь для себя пример, так сказать, чтобы подвергнуться. Людям ведь в целом свойственен метод обу-

чения «делай как я». И самый первичный, близкий, яркий, наглядный пример производства семени и его итога – это я сам.

В этот момент я хочу дополнить своё определение мужчины – теперь это «способный к производству семени для создания себе подобного». Причём «себе подобного» в самом широком смысле, то есть по любым критериям не хуже, чем он сам, а не просто – две руки, две ноги. Способный сотворить по меньшей мере конкурента в социокультурном смысле. То есть во всём не хуже, чем отец. Не просто «заделать ребёнка», но и в плане самооценки, социального класса, ума, роли и статуса в обществе, успешности, удачи. Соответственно, тот, кто ещё не стал мужчиной, будет называться здесь «юношей» без привязки к возрасту, юношей можно оставаться и будучи седым и дряхлым.

Приведу пример, чтобы проиллюстрировать свою мысль. Отрывок из поэмы Павла Васильева «Соляной бунт» (1934):

Итак, мы имеем: чтобы воспроизводить себе подобных, есаулам требуется богатый край (пища, шкуры, лес, реки), дома и бани, охрана, оружие, грамота, завезённые бабы, которых указывается «брюхатить». В такой обстановке, получив всё, чтобы иметь возможность воспроизводить таких же казаков, как и они сами, есаулы по моему определению были мужчинами.

В более древние времена, возможно, могла быть исключена, например, грамота, но смысл оставался тем же. Сейчас всё, конечно, сложнее, и нынешнему юноше может понадобиться гораздо большее. Есть не есаулы, но социально-экономические уровни – кому-то и жемчуг мелок. А что ещё важнее, есаулы чётко знали, кто они и как себя оценивать (успехи в битве, охоте). Сейчас же профессия быстро может стать невостребованной, у нас уже есть «мягкие» и «жёсткие» навыки, человек не привязан к месту – он не имеет чёткого руководства и понятий о системе самооценки.

Кстати, для родителя воссоздать полноценную замену себе необходимо ещё и для того, чтобы продолжение «меня» могло прожить ту часть моей жизни, что мне оказалась не по силам.

Но с такими рассуждениями мы отклоняемся в сторону, поэтому вернёмся к моему определению мужчины – «способный производить семя для создания себе подобного». Все существующие атрибуты: честный, верный, храбрый, сильный, богатый – всё это необходимо ему, чтобы выполнять эту функцию с той или иной степенью качества. Либо в угоду каким-то заинтересованным лицам.

Тут сразу же возникает вопрос: а как же люди без детей или у которых только дочери? Для ответа на него в моём определении необходимо обратить внимание на слово «способный», то есть имеющий такую возможность, находящийся в потенции. Мужчина с дочкой может принять для себя, что выбор между мальчиком и девочкой он сделать не мог, что никак не уменьшает его способности к воспроизводству себе подобных. Вмешалась судьба, Бог, случайность. Мужчина, имеющий ребёнком девочку, как бы вступает в потенциальную договорённость с условным отцом какого-то мальчика, будущего мужа его дочери, как бы заявляя, что в грядущем успехе этого пацана есть и его заслуга, и таким образом может спокойно завершить свою историю. Мужчина без детей, если он, например, решил удерживать семья, считая, что мир или женщины не достойны этого, конечно, ничуть не лишается способности к воспроизводству. Либо же, если он имеет биологическую дисфункцию, ему всё равно может быть дозволено «лепить» себе подобного из уже рождённого ребёнка. Хотя мужчина в таком случае, возможно, будет чувствовать на себе некий «порядок исключения». Опять же, он может всего этого и не делать, но просто знать, что способен, и таким образом иметь к этому потенцию.

Вернёмся к теме эссе – я собрался производить себе подобного, но у меня нет примера, как это делается. Нет фигуры моего отца. В том смысле, что, если бы я собрался делать скворечник из досок, неплохо было бы посмотреть, как это делает кто-то имеющий плотницкие

навыки. Либо же отец может существовать как человек, но меня он не устраивает – мне не нравится, как делает скворечник тот, кого мне дали в учителя. Такое ведь тоже может быть.

Здесь мне важно сделать замечание, что я намеренно взял самую базовую «мужскую» функцию, а сам принцип можно распространить на всё. Мужчины должны защищать семью? Юноша имеет потребность учиться этому у отца. Зарабатывать деньги? А как это делает отец? И так далее. Мне просто хотелось бы сократить эссе и не спорить о том, кто же всё-таки должен зарабатывать деньги.

Так или иначе, моя позиция по этому вопросу такова: без отца невозможно стать мужчиной. У юноши нет ни единого шанса, это абсолютно нереально. Поскольку, возвращаясь к базовой функции – производство семени для создания себе подобного, – без отца я не знаю, как создавали меня, а значит, у меня нет шансов создать такого же.

Позиция удручающая, пассивная, горькая, бесперспективная и, я думаю, непопулярная, поэтому вряд ли меня упрекнут в том, что я её у кого-то украл.

Но мои рассуждения на этом не заканчиваются, потому что отец – это не только биологический папа, это ещё и функция, фигура и самая высшая форма реализации архетипа наставника. А это значит, его можно спроецировать, подставить что-то на пустующее место. Даже не можно, а это и делается, неосознанно, автоматически, миллионами юношей, порой уже пузатых и бородатых, но так и не выросших, если они не смогли в этом достичь успеха.

Яркий пример этого – супергеройская поп-культура на Западе, которая расцвела в пик индустриализации XX века. Отцы ушли на фабрики и заводы, не взяв с собой сыновей, возвращались домой без сил и возможности заниматься детьми. А раньше сын, отец, дед работали на ферме или в мастерской, находясь в постоянном контакте. Теперь же сыновьям потребовалось заместить пустующее место отца, и как раз туда вписались супергерои из комиксов. При этом на Востоке такой потребности не возникло – в Японии всё ещё была распространена ситуация, когда на одном производстве работали поколениями, в Китае – конфуцианство с его «Учением о благородном муже», проверенным и подтверждённым тысячелетней историей, и если ты утратил отца – обращайся к этому учению. Таким людям супергерои не требовались как что-то большее, чем обычные герои развлекательного фильма. У России, как всегда, свой путь. Классические отечественные мотивы нам уже далеки («Герой нашего времени»), как и аналогичные западные («Граф Монте-Кристо»), последние советские утратили доверие («Омон Ра» Виктора Пелевина). Приходится импортозамещать («Майор Гром», «Александр Бурдашев»).

Я, кстати, забыл сказать главное: быть или не быть юноше мужчиной – это его выбор и решение, а точнее, не «быть», а «дозволить себе считать себя». Конечно, общество и государство тратит много сил, чтобы повлиять на это решение, но об этом влиянии я здесь судить не берусь.

И ещё, от этого постулата один шаг до теории о том, что слишком низкая самооценка для мужчины опаснее, чем слишком высокая. Вернее, опаснее для будущего сына, поскольку мужчина с низкой самооценкой будет иметь в виду низкую планку для создания себе подобного – он может не искать слишком «хорошую» будущую мать, не будет стараться дать ребёнку достойное образование или заботиться о его физическом развитии, потому что в собственных глазах никчёмен. С другой стороны, слишком высокая самооценка тоже может быть опасна, мужчина может настолько возвысить планку всего того, что необходимо для создания такого же человека, что никогда не найдёт подходящую будущую мать, не выстроит подходящий дом, и ребёнок так и не появится.

В этот момент в психотерапевтической литературе автор обычно рассказывает про своего клиента Джона, который как раз точь-в-точь. Хотя я и не психотерапевт, клиентов у меня нет, но, думаю, подобные Джоны вполне себе существуют и в собственном жизнеописании не нуждаются.

В общем, худо-бедно я, надеюсь, смог, конечно, не доказать, но проиллюстрировать свою мысль, что без фигуры отца в своей жизни юноша не способен трансформироваться в мужчину. Но, повторяюсь, фигура эта может сформироваться, и она формируется, заново. Поэтому правильнее, наверное, было бы назвать эссе соответственно «Формирование фигуры отца у юноши при утрате или отказе от его естественного образа». Но это звучит громоздко, и мне бы всё равно потребовалось объяснение, которое я изложил выше.

Теперь, когда мы обсудили, что подразумевается под мужчиной, хорошо бы определить отца.

Многие функции отец разделяет с матерью: защита, формирование у ребёнка самооценки, установление границ воли ребёнка и, главное, наставничество. При этом в современном мире мать, конечно же, может защитить юношу, дать ему кров и заботу не менее успешно, чем это сделал бы отец. Однако в части наставничества у матери будет один серьёзный пробел в той области, которая ею непостижима по умолчанию. Опять же, это производство семени человека. И дело тут не в том, чтобы показать ребёнку учебный фильм или рассказать, откуда берутся дети. Во-первых, как я уже говорил, производство семени не существует само по себе – та почва, в которую должно помещаться семя, и та среда, в которой оно должно взойти, требуют с собой какого-то обращения – всё это не так просто делается, по крайней мере начиная с какого-то социального уровня. Короче говоря, дарить или нет девушке цветы на первом свидании, убедительно может рассказать только отец, потому что мать цветы не дарила, дарили ей. Далее, мастурбация и порно – о них тоже что-то можно рассказать юноше, и от источника информации очень сильно зависит, насколько он сочтёт эту информацию применимой к себе. Конечно, обо всём этом может сообщить и мать, но её слова никогда не будут восприняты так же, как слова отца, потому что у неё по умолчанию не может быть потенции производства семени для создания себе подобных. А юношу не обмануть – мать не может сообщить достоверную информацию о том, как отец создал его. Не просто зачал, а каким был весь контекст этого творения именно в мужской части. Мать не может знать, как обращаться с семенем в любом смысле этого слова. Сам юноша есть результат именно отцовского обращения со своим семенем, с тем семенем, которое теперь есть у юноши. У матери его быть не может. Само существование юноши доказывает неопровержимо, что отец это умел и был, следовательно, способен к воспроизводству себе подобного, а значит, был мужчиной.

Таким образом, если вновь отбросить все смежные функции, отец – единственный возможный наставник по производству семени для создания себе подобного.

На всякий случай отвечаю на возражение о том, что отцы иногда даже не рассказывают, откуда берутся дети, – я говорю об этом наставничестве в самом широком смысле. Чтобы мне создать себе подобного, нужно место, где мы будем жить, еда, которую мы будем есть, машина, на которой мы будем ездить, кредит, который мы будем выплачивать, и вершит это всё, действительно, семя, для которого весь контекст – почва. Всё это я должен где-то узнавать, в оценке того, насколько мне сейчас всего этого достаточно, мне необходимо опереться на чей-то опыт. Я ищу наставника, и в этом мире есть только один ультимативный учитель, поскольку существование меня доказывает его успех, – это отец, только ему я могу верить, ведь вопрос слишком серьёзен, чтобы доверять кому-то другому.

Теперь, когда определения даны, я думаю, что готов рассуждать о предмете эссе, о том, что юноша делает, чтобы обрести отца и стать мужчиной.

Один из процессов мной уже частично описан выше в примере с супергероями – это подмена реальной фигуры отца идеализированной. Он видится мне самым коротким и, естественно, тупиковым, поскольку юноша никогда не сможет достичь состояния способности воспроизводить идеал. Он может этого не понимать, но точно будет чувствовать, и очевидная разница в желаемом и действительном будет непреодолимой. Можно провести параллель со случаем из традиционного общества, когда у самого меткого лучника родился бы слепой

сын без руки, естественно, не способный к воспроизводству метких лучников (если, конечно, за воспитание его ребёнка не возьмётся дед, но в таком случае это также будет замена отца).

Иной путь юноши в отсутствие отца – низвержение самой фигуры отца, как утратившей доверие в целом, и отказа от возможности замены на другую в принципе. Это уже протест не против конкретного образа, а против самой методологии. Такой способ более глубокий и мощный, поэтому он был характерен для целых поколений, столкнувшихся с крахом эпохальных устоев. Как, например, битники в середине XX века в США или «перестроечное» поколение в СССР. Герой Джека Керуака в романе «В дороге» ищет что угодно, но только не отца, он готов заменить место наставника романтизированным мачо с беспросветной судьбой, у которого совершенно нет никакого «учения». Аналогичный пример для «перестроечного» поколения – фильм «Бакенбарды». Тупиковость этого пути для юноши очевидна, но для общества в целом такой массовый отказ детей от родителей всегда даёт качественное изменение – культура 60-х в США, 90-х в России. Можно сказать, что всё это создали невыросшие дети, отказавшиеся от отцов. Ради этого они принесли себя в жертву, и уже через десять лет их смели новые поколения, которые быстрее смогли приспособиться в новом времени и научились воспроизводить себе подобных.

В общем, как я постарался показать выше, пытаться взрослеть без отца можно, либо стараясь подменить реального папу иной фигурой, либо отказавшись от самой методологии отцовства.

Безусловно, это не весь спектр возможных путей юноши. Он может в принципе отказаться от потенции производства семени для создания себе подобных и испытывать себя в других ролях, но такие случаи я не рассматриваю в этом эссе. Я говорю только о ситуациях, когда юноша имеет потребность стать мужчиной, но не имеет отца.

Третий вариант развития этой ситуации видится мне, когда юноша пытается достроить из самого себя фигуру отца. Это может быть характерно для тех случаев, когда отец погиб при несчастном случае или на войне, то есть когда его не за что винить и ненавидеть, когда нет основания отказываться от него, чтобы низвергать его фигуру и отправляться на поиски новой. Можно постараться стать им и делать то, что он уже не может, то есть что, по мнению сына, в той или иной ситуации делал бы отец. Тогда юноша принимает на себя эту роль, у него появляется потребность отвечать за свою мать, контролировать её, оберегать. Он пытается встать на место отца, минуя ступеньку мужчины. Такое предприятие также обречено на провал, поскольку мать никогда не сможет стать почвой для семени мужчины, так как материнская фигура всегда сильнее фигуры супруги.

В целом расклад получается грустный: юноша не сможет стать мужчиной без отца, а заменить эту фигуру, отказаться от неё или встать на место отца – всё это обречено на незаконченность, юноша может идти к этому сколь угодно долго и никогда не прийти к успеху и не достичь удовлетворения.

Но в этом и нет ничего безысходного. С другой стороны, даже если бы у юноши был сильный любимый отец, который бы его полностью устраивал как наставник, он всё равно был бы терзаем тревогами, поскольку оказался бы поглощён конкуренцией с собственным отцом, а после смерти отца – со своим сыном. Чтобы стать лучше, чтобы сделать лучше. Об этом уже точно много написано до меня.

Да, путь мужчины трагичен, и в основном тем, что не способен завершиться. Мальчик соревнуется со старшим братом, тот – с отцом, отец – с дедом, дед – со старейшиной племени, а старейшина – с духами и героями древности, – таков естественный ход вещей. Вырви хоть одно звено – юноша начинает испытывать острый дисбаланс, мечется, чувствует ярость из-за несправедливости к себе – его обделили.

При этом юноша, конечно, ничуть не более несчастен, чем девушка. Её история всегда не менее трагична, возможно, только более устойчива. Может быть, когда-нибудь я соберусь рассказать и об этом.

*Ермак Тимофеич давал есаулам наказ,
Чтоб рубили дома казаки и ставили бани,
И брюхатили пуце баб завезённых,
И заставы покрепче держали на сопках дозорных,
Да блюли свои грамоты, власть и оружие.*

*Край богат. По Тоболу и дальше, в леса,
Собирай, словно ягоду, соболя, бей горностая,
Заводи неводами лисиц черно-бурых и красных,
Там на лбах у сохатых кусты костяные растут
И гуляют вразвалку тяжёлые шубы медвежьи.*

О важности зла и пользе безумия

Никакой объективной необходимости писать об этом, конечно же, нет. Зло, в отличие от добра, в популяризации не нуждается, будет происходить всегда и везде в том или ином соотношении с добром, в некотором балансе. Я только хочу обратить внимание на важность принятия этого факта как части неотъемлемого естественного процесса и, главное, необходимого, несмотря ни на что.

Кстати, несмотря на что именно? Какие вообще могут быть аргументы в пользу того, что зло не менее необходимо, чем добро?

Такой уж я человек: всегда мне хочется быть против. Говорят мне: «Надо делать добро и быть хорошим, ты должен именно это». А я, значит, ещё в детстве отвечал: «Подождите-ка минутку, надо бы здесь разобраться. Не пытаетесь ли вы привить мне только вам выгодные положения и выводы под видом неоспоримых догм, не соблюдать которые мне якобы должно быть стыдно?»

Да, именно таким я и остался. И в фильме Михалкова «12» мне больше всех нравится персонаж Маковецкого, присяжный, который говорит: «Если все за, то я против».

Так, о чём я, собственно? Что есть зло? Пока что без безумия – до него ещё дойдём – кто-то раньше, кто-то позже.

Зло как этическая категория близко плохому, то есть тому, чего не должно быть. Конечно, туда же можно отнести ещё многое, например, несправедливость. С другой стороны, слову «зло» близки слова «злой», «злоба», в явном виде эмоционально-чувственно окрашенные. Я бы определил «зло» как наиболее очеловеченную форму недолжного, опять же, плохого. Наиболее людскую, одушевлённую, живую, понятную даже маленьким детям.

Да, существует злой оскал хищника, но самым злом именно хищник в реальном лесу, а не персонаж детских мультиков, являться не может, в природе он выполняет свою функцию, он звено. Его поведение должно быть таким, чтобы зверь выжил.

Мы же, люди, говорим «грех не есть необходимость», и у нас уже не получится оправдать наше зло потребностью выживания. Но зло-то мы творим, и в процессе авторефлексии приходится проявлять ловкость, например, переносить ситуацию во внешний локус контроля, мол, не мы такие, жизнь такая. Другими словами, зло – это такое лишнее, за которое человек не может оправдаться перед самим собой только удовлетворением своих потребностей цивилизованного существа. Лишнее, то есть нечто внутри, выход которого сулит восстановление баланса.

Например, опаздывал я на работу, бежал, вспотел – выделение пота в этом случае естественно и объяснимо моей вполне уместной потребностью не опоздать. В другом случае, если я, будучи начальником, на работе выразил свой негатив на подчинённых: сорвался, орал на них как неуравновешенный, то явно так поступать постоянно не следует и ходу таким эмоциональным отпущениям давать всё время нельзя. Начальник на такой упрёк обычно отвечает: «Довели меня, твари» (внешний локус контроля).

И то, и другое – выход лишнего, но разница есть. При этом я не хочу здесь рассуждать о том, что злобу в себе копить нельзя, а то будет хуже, а нужно её осознанно обрабатывать и отпускать понемногу – это слишком неоригинальное утверждение. Даже в «Симпсонах» была серия, где Неда Фландерса учили выражать агрессию.

Хотелось бы в своих рассуждениях затронуть более глубокую тему. Важность зла. При этом я не хочу оправдывать его. А то я уже предвижу, как ко мне на улице подойдёт человек, ударит меня и скажет: «Ну что, зло – это благо?» Нет, конечно, нет. Не надо так делать,

пожалуйста. «Важность» я понимаю как необходимость проявления внимания, соблюдения паритета с добром. Нельзя пренебрегать злом – вот что я хочу сказать. И не в том смысле, что существует некое зло, которое мы должны держать под замком, следить за тем, чтобы оно не вырвалось, и относиться к этому самым серьёзным образом – нет. Я имею в виду, что опасно не отсутствие контроля над злом, а попытки переместить локус контроля над ним вовне, полностью оторвав его от персонального влияния и участия.

Я говорю, например, о метанарративах вроде: «Красота спасёт мир» из XVIII века, «Производство и капитал спасут мир» из XIX века, «Наука спасёт мир» из XX века. Образно говоря: «Вот сейчас все будем в космос летать, и все будут счастливы!», или «Изобретём лекарство от всех болезней», или «Победим голод, нищету, и все страны будут жить дружно». Всё это о том, что может быть достигнут такой уровень культуры, что она каким-то образом взойдёт над своим творцом, человеком, и чудесным образом победит всё. Эти предположения, конечно, оказались несостоятельными. Красота опошлилась, превратившись в дизайн, производство в подчинении массового потребления, наука стала наукой о получении грантов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.